

Конев Алексей Юрьевич

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ИМПЕРСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ: ИСТОРИКИ О ТЕРМИНЕ "ИНОЗЕМЦЫ" В ОТНОШЕНИИ НАРОДОВ СИБИРИ

Статья посвящена недостаточно разработанной теме в отечественном и зарубежном сибиреведении: терминологии описания коренных народов Сибири XVII-XVIII вв. Главное внимание уделено термину "иноземцы", истории его появления, бытования, смысловым нагрузкам. Большинство историков усматривают в нем отражение незавершенности процесса интеграции сибирских автохтонов в состав Российского государства, обозначение их религиозно-культурной инаковости. Автором на основе критического анализа работ современных исследователей определены дискуссионные аспекты вопроса. Обращено внимание на активное использование данного термина в первой половине XVIII в., объясняются причины столь длительного его присутствия в деловой письменности и нормативно-правовых актах, относящихся к индигенному населению региона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 81-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(57):930

Исторические науки и археология

Статья посвящена недостаточно разработанной теме в отечественном и зарубежном сибиреведении: терминологии описания коренных народов Сибири XVII-XVIII вв. Главное внимание уделено термину «иноземцы», истории его появления, бытования, смысловым нагрузкам. Большинство историков усматривают в нем отражение незавершенности процесса интеграции сибирских автохтонов в состав Российского государства, обозначение их религиозно-культурной инаковости. Автором на основе критического анализа работ современных исследователей определены дискуссионные аспекты вопроса. Обращено внимание на активное использование данного термина в первой половине XVIII в., объясняются причины столь длительного его присутствия в деловой письменности и нормативно-правовых актах, относящихся к индигенному населению региона.

Ключевые слова и фразы: народы Сибири; иноземцы; колонизация; империя; историография.

Конев Алексей Юрьевич, к.и.н.

Тюменский государственный нефтегазовый университет

aldimoks@mail.ru

**КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ИМПЕРСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ:
ИСТОРИКИ О ТЕРМИНЕ «ИНОЗЕМЦЫ» В ОТНОШЕНИИ НАРОДОВ СИБИРИ©**

Анализируя состояние отечественной и зарубежной историографии, посвященной проблемам имперского российского опыта, Андреас Каппелер, в одной из своих публикаций начала нынешнего века обратил внимание на слабую разработанность терминологии царской империи, в том числе таких понятий, как «иноземцы» и «иноверцы» [12, с. 30].

Спустя почти полтора десятилетия следует признать, что ситуация в исследовании данной темы существенно меняется. Увидели свет работы, расширившие наши представления о понятиях, посредством которых русские первопроходцы и власти формировали образы автохтонов колонизируемых территорий. Задача данной статьи состоит в анализе сложившихся в новейшей отечественной и зарубежной историографии точек зрения на происхождение и содержание понятия «иноземцы» как одного из основных классифицирующих терминов в отношении народов Сибири на первых этапах её освоения. Автор постарается выявить дискуссионные аспекты, изложить свою позицию по некоторым из них и определить направления дальнейшего изучения этого вопроса.

Сразу отмечу, что вне поля зрения выше названного западноевропейского историка-русиста остался ряд работ российских исследователей, посвященных классификациям автохтонов Сибири и соответствующей терминологии. Точкой отсчета здесь следует признать 1995 г., когда был опубликован доклад А. А. Люцидарской, сделанный на международной конференции в Новосибирске, и увидела свет книга М. А. Демина. В центре внимания оказались вопросы восприятия русскими покоренных сибирских народов, обозначения и представления этих народов в летописных памятниках и деловой письменности XII-XVII вв. [4; 19]. Люцидарская подчеркивает колониальный контекст анализируемых явлений, оговаривая при этом особенности поведения русских на подчиненных территориях, в отличие от европейских колонизаторов. Определяющим для восприятия местных жителей в глазах неоднородной по этническому составу служилой среды оказывалась связь с иной еще не вполне российской территорией, а не с этническим, «родовым» происхождением. Этим фактом объясняется обозначение коренных обитателей термином «иноземцы» и неантагонистическое к ним отношение [19, с. 165-167].

Демин первым попытался определить, с какого времени термин «иноземцы» стал употребляться для обобщенного обозначения коренных жителей края, и пришел к заключению, что это произошло в 1640-е гг., когда русские отряды проникли в отдаленные районы Восточной Сибири. До того, по его наблюдениям, универсальным наименованием коренных жителей был термин «люди», употреблявшийся в «сопряжении с названием этнической или территориальной принадлежности». Исследователь отмечает что слово «иноземцы» характерно для служебного делопроизводства и, вслед за Люцидарской, подчеркивает его нейтральное значение, лишенное пренебрежительного оттенка. В этом он видит прагматичное и сдержанное отношение властей и местного служилого элемента к сибирским иноверцам и их образу жизни [4, с. 102-103]. Правда, барнаульскому историку не всегда удается сохранять объективность в своих суждениях. Приводя выдержки из отписок середины XVII в. воеводы В. Н. Пушкина и К. О. Супонева, землепроходцев «сына боярского» Петра Бекетова и Ерофея Хабарова, в которых содержатся оценочные характеристики «немирных» аборигенов («бращки и тунгусские люди малоумны, глупы», «люди дикия», «и нападе на них, собак иноверцев, страх Божий»), исследователь расценивает такие высказывания как нехарактерные и обусловленные особенностями личного опыта и литературных пристрастий авторов [Там же, с. 96-98]. Обличительные же сентенции сибирских летописей, в которых «доминирует официальная церковная линия», трактуются не иначе как стремление к формированию негативного образа коренных народов, исповедовавших языческие культы и ислам [4, с. 117, 122; 5, с. 24].

Аналогичной точки зрения придерживается Юрий Слёзкин, по мнению которого священники и близкие к церковным кругам летописцы изображали неверных «единообразно кровожадными и –злочестивыми” врагами Христовой веры». Казаки же «не говорили об –иноземной вере” как о низшей по сравнению с их собственной; они не относились к туземцам как к дикарям, варварам или язычникам» [33, с. 55, 56].

Идеализация ментальных установок представителей служилого сословия в отношении автохтонов и тенденциозный взгляд на позицию Церкви исключительно сквозь призму литературно-исторических произведений XVII столетия, на самом деле, мало что дает для адекватной интерпретации содержания и применения термина «иноземцы» к народам Сибири. Достаточно обратить внимание на то, что активное проникновение русских в Северо-Восточную Сибирь в 40-50-е гг. XVII в. сопровождалось жесткими вооруженными столкновениями. По замечанию А. С. Зуева, это способствовало формированию у служилого населения образа непокорных аборигенов как «неприятельских» и «воровских» [8, с. 88]. Острыми были в этот период и конфликты на Западносибирском Севере, причем не все из них объясняются фискально-административным давлением воеводской администрации. Становление в XVII в. у тундровых ненцев крупностадного оленеводства, как отмечает А. В. Головнев, придавало обществу кочевников агрессивность, воинственность, стремление к территориальной экспансии. Обские угры (ханты и манси), являвшиеся ранее источником угрозы для северных самодийцев, сами стали «удобным объектом поживы» последних [3, с. 103, 106]. Набеги и непокорность самоедов были головной болью местных воевод и ясачных сборщиков. Да и в районах первоначального освоения случались серьезные проблемы. Пельымский воевода в 1654 г. сообщал, что «ясачные люди, пельымским служилым людям не даются, из луков служилых людей стреляют» [1, с. 150]. На этом историческом фоне начало распространения «нейтрального» термина «иноземцы» в отношении сибирских народов выглядит нелогичным. Напрашивается предположение, что такое обозначение, во-первых, использовалось значительно ранее 1640-х гг., во-вторых, вряд ли имело индифферентную оценочную нагрузку в социально-политическом и религиозно-культурном отношении. Оно явно определяло оппозицию между пришлыми и автохтонами, причем по целому ряду параметров.

Наиболее интересную и одновременно дискуссионную попытку анализа колониального дискурса российского классификационного мышления предпринял в серии своих публикаций московский антрополог С. В. Соколовский. Несмотря на то, что масштаб исследования был значительно расширен, именно народы Сибири оказались в центре внимания этого автора. Терминологическая триада «иноземцы-туземцы-самоземцы» анализируется им как единое семантическое гнездо [34, с. 46-51]. Сразу отмечу, что утверждение об использовании термина «туземцы» на самых ранних этапах освоения зауральских территорий не находит документального подтверждения. Известны факты его употребления на рубеже XVII-XVIII вв. С. У. Ремезовым в описаниях чертежей Сибири наряду с более привычным тогда обозначением автохтонов – «ясачные иноземцы» [31, л. 28-29]. Оба эти понятия увязывают обитателей с их исконной территорией, но имеют некоторое отличие в обозначении связи с Русским государством. Соколовский полагает, что термин «туземцы» фиксировал одну из ранних стадий «природнения», превращения «чужих» колонизируемых земель и их населения в «своих» [35, с. 75]. С этим предположением следует согласиться, обращая внимание на синхронность присутствия данных терминов в картографических трудах Ремезова, которые являлись и инструментом, и отражением процесса «присвоения» и «природнения» сибирских пространств Московским царством.

Осознание специфики сибирской колониальности и особенностей правительственного курса по отношению к этим территориям, направленного не только на эксплуатацию, но постепенную их интеграцию в структуру государства, порождает порой внутренне противоречивые суждения о месте сибирских народов в социальной системе Московской державы. Примером может служить позиция Е. П. Коваляшкиной. Бытование термина «ясачные иноземцы» первоначально приводит её к выводу о признании за аборигенами в конце XVI-XVII вв. статуса «иноземного элемента» [16, с. 105], но в диссертации она подчеркивает, что они уже в этот период «воспринимаются как равноправные (*другим категориям – А. К.*) в юридическом плане подданные» [15, с. 13]. На мой взгляд, в этом утверждении просматривается не вполне корректная проекция характера этнокультурного взаимодействия русских с автохтонами на социально-правовую сферу отношений последних с государством.

Иную точку зрения высказал Слёзкин, отметив, что, захватывая новые земли с исключительной целью получения прибыли, то есть ясака, русские не предпринимали попыток полного присвоения новых территорий, а «иноземцы оставались иноземцами, платили они ясак или нет» и «статус иноземца не имел ничего общего со статусом царского подданного». Полноправным подданным иноземец мог стать только приняв христианство [33, с. 53, 56]. Еще В. О. Ключевский писал, что в отличие от удельного периода, когда источником подданства было завоевание, в начале XVI в. утвердилось представление о подданном как русском человеке «одного племени и веры с московским государем» [14, с. 307]. В. А. Ковригина и Т. А. Опарина, занимающиеся вопросами положения иностранцев в России XVI-XVIII вв., солидарны в том, что принятие крещения по православному обряду было равносильно принятию русского подданства и, напротив, сохранение своего исповедания являлось одним из главных признаков их «иноземчества», а «термин –иноземец” в XVI-XVII вв. означал принадлежность не столько к иному государству, сколько к чужой, немосковской церкви» [17, с. 169; 27, с. 5-6].

Автор данной статьи уже обращал внимание на разницу в положении иноземца-иностранца, прибывшего в Россию и имевшего право свободно покинуть её, и «ясашного иноземца», давшего шерть, «что быть под его царскою рукою до веку», и обязанного данью-налогом. Вместе с тем, нельзя не видеть то общее, что их объединяло. И в том, и в другом случае это человек нерусского происхождения, приверженец иной веры,

а значит, не вполне благонадежный [18, с. 23]. Схожую точку зрения высказала позднее Опарина, разделив всех проживавших в России иноземцев XVII в. на две категории – внешних (иммигранты, подданные других стран) и внутренних (к ним, в частности, отнесены мусульмане и язычники бывших татарских ханств). При этом она отмечает, что «не вступив в московскую церковь, иммигранты, как и татары и жители Сибири оставались иноземцами в структуре русского государства», и правительство «не приравняло их к русским согражданам». Другими словами, иноверцы подданными в полном смысле не становились [27, с. 6-7].

Зуев рассматривает термин «иноземцы» в качестве политонима, «не имеющего четко сформулированного в русском законодательстве XVII в. политико-правового определения». Соборное Уложение «не заметило» сибирских иноземцев и никак не прописало их статус в структуре государства [7, с. 8]. Этот термин, по его мнению, «подчеркивал религиозно-культурную инаковость сибирских народов от православных русских» и «фиксировал их особый статус в социально-политической системе Московского государства». В отношении неподчиненных народов обозначение «иноземцы» несло еще и геополитическую нагрузку. Таким образом, предложено различать нюансы значения определений «ясачные иноземцы» и «неясачные иноземцы», и только иноверие не позволяло признать первых полностью подданными, хотя по факту они рассматривались как «безусловно закрепленные в «еобственности великого государя?»» [Там же, с. 7-9]. Историк отмечает, что уточнение значения рассматриваемого политонима, вариантов его применения, начало введения в оборот весьма проблематично и требует специального исследования. Сам он связал первые случаи употребления в сибирском делопроизводстве термина «иноземцы» с 1620-и гг., а широкое употребление – с серединой XVII в., когда русские начали осваивать Восточную Сибирь [Там же, с. 7], в этом его точка зрения близка мнению Демина.

В 2013 г. молодой новосибирский исследователь П. С. Игнаткин опубликовал две статьи, которые, на мой взгляд, открыли новую страницу в изучении классификационной терминологии, применявшейся в отношении сибирских автохтонов в XVI-XVII вв. [9; 10]. Он поставил перед собой весьма амбициозную задачу – выяснить значение, распространение, хронологию, лексические и семантические связи собирательно-обобщающих названий коренного населения на начальном этапе приобретения Сибири Россией. Ему удалось выявить самые ранние случаи применения термина «иноземцы» к обозначению народов урало-сибирского региона. Первый – в грамоте митрополита московского и всея Руси Афанасия, направленной Г. Строганову 1565 г., другой – в царской памяти 1597 г. в Приказ Большой казны. Интересно, что в обоих случаях он употребляется в контексте обращения татар, вогул, югричей и самоедов в «православную христианскую веру» [10, с. 93]. В этой связи следует упомянуть и об указе царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, изложенном в памяти из Челобитного приказа в Земский от 20 мая 1625 г., о порядке крестоцелования в судах, регламентирующем принятие присяги, в случае если «на русских людях учнут искати *иноземцы* (*выделено нами – А. К.*), литва, и немцы, и тотаров» [28, с. 336-337]. Под татарами в этот период подразумевались различные представители азиатских окраин, в том числе и бывшего Сибирского ханства. Все эти факты в совокупности свидетельствуют в пользу правомерности вывода Игнаткина, что начало номинации сибирских народов «иноземцами» было положено иерархами Церкви и столичными приказными служащими [10, с. 94].

С учетом вышесказанного становится очевидным, что введение слова «иноземцы» применительно к автохтонам Сибири не было связано со служилой казачьей средой. Рассматриваемый термин был воспринят из текстов указов и распоряжений центральных властей, и содержал в себе совершенно определенное суждение о вероисповедной принадлежности человека как иноного, неправославного и, до известной степени, чуждого русскому миру и государству. Хотя, безусловно, он не был эмоционально окрашен в отличие от эпитетов: «безбожные агаряне», «бусурмане» или «нечестивые», принадлежавших к литературно-богословской и разговорной лексике.

Не исключено, что логика развития канцелярского стиля с присущим ему стремлением к стандартизации и унификации во многом определила постепенное закрепление в деловой переписке в центре и на местах термина «иноземцы» в качестве собирательного обозначения народов региона. Именно это слово, аккумулировав в себе политико-правовой и этно-конфессиональный аспекты, было наиболее подходящим для максимально возможного обобщения всего разнообразия туземных сообществ, с которыми столкнулись русские за Уралом. Особенности представлений о подданстве, сложившиеся в Московской Руси в XVI в., обусловили сочетание в этом термине значений политонима и конфессионима.

Есть основания полагать, что в отношении автохтонных жителей Сибири термин «иноземцы» сохранял характер политонима до конца XVII в. Его конвертация в соционим происходила постепенно и завершилась в период петровских преобразований. На мой взгляд, это обуславливалось тем, что Сибирь достаточно долго воспринималась даже не как периферия, обладающая комплексом признаков, присущих Российскому государству, а как пограничная территория с размытыми культурно-цивилизационными критериями. «Государство дальнее и состоит меж бусурманских и иных вер многих земель» – так определяется положение сибирского региона в именном указе царевны Софьи и царей Ивана и Петра Алексеевичей сибирскому митрополиту Павлу от 5 апреля 1685 г. [22, с. 663]. Следует обратить внимание на содержание термина «государство» в русском политическом лексиконе XVI – начала XVII в., которое служило, по замечанию В. И. Сергеевича, «не столько для обозначения территории владения московского великого князя, сколько характера его власти». Даже в соборной грамоте об избрании Михаила Романова царем царство Русское предстает как состоящее из разных государств: «что быти на Володимирском, и на Московском, и на Ноугородском государствах, и на царствах Казанском, и на Астраханском, и на Сибирском и на всех великих и преславных государствах Российского царствия государем царем» [32, с. 91-92].

В факте номинального сохранения ханств, потерявших политический суверенитет, В. В. Трепавлов видит специфический способ интеграции неславянских народов в число поданных посредством использования привычных для них институтов власти. После подчинения татарских династий ханом стал считаться московский царь, а их бывшие владения не уничтожались, но превращались в «послушные» части Российской державы [36, с. 89-90]. Эти территориальные образования как элементы формирующегося имперского пространства будут окончательно переформатированы в ходе областных реформ Петра I, уступив место губернскому делению. Аналогичным образом, видимо, следует трактовать и политику в отношении так называемых «княжеств» обских угров, хотя здесь были свои нюансы, но парадигма оставалась той же.

А. И. Филюшкин полагает, что расширяя территориальные границы за счет «Поля» и Сибири, Москва не выработала до конца XVI в. доктрины, обосновывающей их подчинения, а «традиционный вотчинный дискурс для мотивации захвата этих земель не работал». Требовались новые объяснения, которые появились в XVII столетии [37, с. 398]. Правда, историк не раскрывает содержания этих объяснений, по всей видимости, выходящих за рамки его исследования.

Возьмем на себя смелость предположить, что в качестве таковой доктрины выступала идея, достаточно четко выраженная в уже упоминавшихся сибирских летописях, прежде всего, Есиповской, Строгановской и Ремезовской. Состояла она в Божественном предопределении «проповедати чрез Сибирь Евангелие в концы Вселенныя» [6, с. 114]. По мнению В. Кивельсон, распространение православия, занимая центральное место в риторике имперской апологетики, «представлялось естественным следствием колониального присутствия русских» [13, с. 222]. Обращая внимание на «обыкновение москвитов признавать связь между народами и их территориями», американская исследовательница убедительно аргументирует тезис о том, что русские основывали свое политическое господство «на подчинении различных земель, а не на гомогенизации или устранении покоренных групп» [Там же, вклейка 28]. С этой позиции становится очевидным, что переосмысление статуса присоединенных территорий, уровень их освоения русским элементом влияли на отношение к исконным обитателям, и наоборот – важные изменения в характеристиках автохтонов проецировались на отношение к пространству их обитания. Первые результаты этого процесса фиксирует к началу XVIII в. Ремезов. Проникновение русских сопровождается чудесными явлениями «Вседержителя образа» и «Пречистыя Богородицы» [6, с. 229], физическое пространство наполняется новым содержанием – городами, крепостями и слободами, церквями и монастырями. Трансформируется образ Сибири, прежде заселенной «погаными» и «нечистыми», а ныне уподобляющейся Ремезовым «мирному ангелу» [31, л. 12]. Эта своеобразная христианизация колонизируемых территорий создает предпосылки для превращения их в русские, а природных обитателей – в потенциальных новообращенных. Масштабная миссионерская деятельность первой половины XVIII в. продолжила это символическое «природнение» пространств и людей, приводя в соответствие статус территорий, уже мыслившихся вполне российскими, со статусом их коренных жителей, постепенно преодолевавших «иноземческое» состояние.

Процесс выработки новой классификационной терминологии, тем не менее, протекал очень медленно. Сложившиеся в XVII в. собирательные названия аборигенов продолжали использоваться. Менялось только их доминирование на соответствующих отрезках XVIII столетия. С чем были связаны эти предпочтения – предмет отдельного исследования. Мы лишь обратим внимание на ряд спорных положений, недавно высказанных в литературе. Одно из них касается времени бытования термина «иноземцы». Авторы обобщающего труда по истории Ямала полагают, что уже на рубеже XVII-XVIII вв. он был замещен термином «инородцы», умозрительно связав это с изменениями во взгляде на сибирских аборигенов, превращавшихся в полноценных подданных [11, с. 223]. Но, на самом деле, для завершения соответствующих изменений еще предстояло пройти непростой путь массового обращения народов Сибири в православие. Активная фаза этого процесса займет всю первую половину XVIII в. Отмечу так же, что в русском языке этого времени слово «инородец», в том значении, которое оно приобретет к началу XIX в., практически не употреблялось. Встречающиеся в заголовках отдельных законодательных и распорядительных актов конца XVII – начала XVIII в., опубликованных в ПСЗРИ, единичные факты использования термина «инородцы» [24, с. 59; 25, с. 213] не должны вводить в заблуждение, так как эти заголовки были сформулированы или отредактированы в 1820-х гг. кодификаторами во главе со М. М. Сперанским. Во всех случаях обнаруживаются нестыковки с текстом самих документов, где употребляется другая терминология: «ясачные иноземцы», «ясачные народы», «ясачные иноверцы». По-видимому, обратив на это внимание, Дж. У. Слокум признал тот факт, что в правовых актах XVIII в., включенных в ПСЗРИ, слово «инородцы» не применялось для обозначения определенной правовой категории подданных империи [38, р. 177].

Законодательные акты и материалы центрального и местного делопроизводства свидетельствуют, что термин «иноземцы» как обобщающее название сибирских народов до середины 50-х гг. XVIII в. активно применялся в официальных документах. Правда, в нормативно-правовых установлениях, из числа вошедших в состав ПСЗРИ, он появляется в данном качестве все реже [20, с. 963; 21, с. 821; 23, с. 226], сначала уступая, а с середины 1740-х гг. полностью замещаясь терминами «иноверцы» и «ясачные». Напротив, в переписке воеводских и губернских канцелярий, в делах Сибирского приказа этот социум продолжал использоваться, причем не только в отношении беспокойных жителей отдаленных районов Восточной Сибири. Так, например, в направленном в Москву доношении Сибирской губернской канцелярии от 18 июля 1746 г. сообщалось что «Ескалбинских, Индерских волостей, в Кошущких, Назым-Демьянских и Кодских городках имеетца ясачных иноземцев довольно число» [30, кн. 180, л. 1337]. В ведомости о плательщиках ясака, составленной в 1749 г.

в Березовской воеводской канцелярии, они именуется так же «ясашными иноземцами» [29, ч. 8, д. 6942, л. 222]. Наиболее поздним из обнаруженных нами документов, где употребляется этот термин применительно к народам Северо-Западной Сибири, является обстоятельное доношение губернской канцелярии ревизии счетов в Сибирский приказ от 25 февраля 1755 г. [Там же, ч. 6, д. 4434, л. 6, 7-8, 10 об.]. Э. К. Виртшафтер заметила, что в XVIII в., «стараясь определить социальные границы», власти продолжали оперировать «традиционными категориями Московского государства», и только в период правления Екатерины II большая часть терминологии ушедшей эпохи «была изъята из употребления» [2, с. 62-63]. Безусловно, что в середине XVIII в. обозначение автохтонов региона «иноземцами» было пережиточным явлением. Одним из возможных факторов, консервировавших классификационный словарь империи, было исключение народов Сибири из сферы действия подушной реформы. До определенного времени они не испытывали её модернизирующего влияния. Начало правления Екатерины II ознаменовалось проведением первой ясачной реформы, в документах которой ясачные Сибири рассматриваются как «верноподданные» [26]. С 1782 г. они подлежали ревизским переписям. С начала 1760-х гг. до сибирской реформы М. М. Сперанского 1822 г. основным обобщающим названием индигенного населения края стал соционим «ясачные» / «ясачные народы».

Если обобщить результаты исследований, посвященных вопросу содержания и употребления термина «иноземцы», применительно к народам Сибири, то очевидно, что большинство историков усматривают в нем отражение незавершенности процесса их интеграции в состав Российского государства, обозначение религиозно-культурных отличий между туземным и русским населением. Установлено время начала номинации сибирских автохтонов «иноземцами», но сохраняются разногласия по поводу длительности бытования этого термина, географии распространения, конвертации из политонима в соционим. Требуется специального исследования практика применения данного понятия на протяжении XVIII в., его соотношение с другими обобщающими названиями коренных народов Сибири. Наконец, остается актуальной задача дальнейшего изучения правовых определений как самого термина, так и специфики социально-правового статуса обозначавшейся им части сибирского социума. Автор надеется, что высказанные им в настоящей статье соображения по некоторым из этих аспектов поднятой темы станут предметом заинтересованного обсуждения и, возможно, найдут поддержку среди коллег.

Список литературы

1. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. С. 86-152.
2. Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / пер. с англ. Т. П. Вечериной; под ред. А. Б. Каменского. М.: Логос, 2002. 272 с.
3. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
4. Демин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб. – Барнаул: Изд-во Барн. пед. ун-та, 1995. 197 с.
5. Демин М. А. Литературно-исторические сочинения XVII века о коренных народах Западной Сибири // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века): сб. ст. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 7-57.
6. Дергачева-Скоп Е., Алексеев В. Ремезовская летопись: история Сибирская. Летопись сибирская краткая Кунгурская: исследование, текст и перевод / Науч.-справ. аппарат факс. изд. рукоп. Б-ки Рос. акад. наук (Санкт-Петербург). Тобольск: Общественный благотворительный Фонд «Возрождение Тобольска», 2006. 267 с.
7. Зуев А. С. Адаптация Российским государством социальных и потестарных структур сибирских народов (конец XVI – XVII в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XX в.: мат-лы VII всеросс. науч. конф. Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 3-13.
8. Зуев А. С. Русско-аборигенные отношения на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – XVIII в.: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века): сб. ст. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 85-154.
9. Игнаткин П. С. Собираательно-обобщающие названия аборигенов Сибири в русском коммуникативном пространстве XVI-XVII вв. // Исторический ежегодник-2013: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2013. Вып. 7. С. 151-168.
10. Игнаткин П. С. Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 92-94.
11. История Ямала: в 2-х т. / под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. I. Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация / под ред. И. В. Побережникова и др. 324 с.
12. Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 15-32.
13. Кивельсон В. Картографии царства: земля и ее значение в России XVII века / пер. с англ. Н. Мишаковой; науч. ред. перевода М. Кром. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
14. Ключевский В. О. Соч.: в 9-ти т. / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989. Т. VI. Специальные курсы. 476 с.
15. Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областнической мысли: автореф. дисс. ... к.и.н. Томск, 1999. 21 с.
16. Ковалышкина Е. П. Российская государственная власть и «инородческий вопрос» в Сибири // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 104-112.
17. Ковригина В. А. Иноземцы в России конца XVII – первой четверти XVIII в. и политика петровского правительства // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в.: тез. док. межд. конф. М., 1994. Ч. I. С. 169-179.
18. Конев А. Ю. Правовой статус «немцев», «литвы» и «ясашных иноземцев» в Сибири XVII – начала XVIII века: опыт сравнительного анализа // Западноевропейские специалисты в России XV-XVII вв.: тез. док. науч. конф. М., 2002. С. 21-23.

19. **Люцидарская А. А.** От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. межд. науч. конф.* Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1995. Т. II. С. 165-169.
20. **О генеральной ревизии:** Именной, № 8835 от 16 декабря 1743 г. // *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).* СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XI.
21. **О дозволении вольной торговли сибирскими соболями и другими заповедными товарами:** Именной, состоявшийся в Верховном Тайном Совете, № 5110 от 26 июля 1727 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. VII.
22. **О крещении иноверцев только по свободному их желанию без всякого принуждения, о соблюдении некрещеными татарами и другими иноверцами благочиния во время крестных ходов и о необращении им новокрещенных в прежнее зловещие:** Именной с боярским приговором, № 1117 от 5 апреля 1685 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. II.
23. **О непереводе татар и бухарцев из Тобольска на Панин бугор и пр.:** Приговор Сибирского Приказа, № 1946 от 11 октября 1703 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. IV.
24. **О непокупке бухарцам и калмыкам в Тобольске и в других городах соболей и мягкой рухляди, об отыскании достойных людей для проповеди Евангелия сибирским инородцам и китайцам и пр.:** Именной, № 1800 от 18 июня 1700 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. IV.
25. **О нечинении казней и пыток Сибирским ясачным инородцам ни по каким делам без доклада государям и пр.:** Именной, данный Сибирскому приказу, № 1526 от 26 декабря 1695 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. III.
26. **Об отправлении капитана Щербачева с командою в Сибирь для отвращения происходящих там неурядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака:** Именной, данный Сенату, № 11749 от 6 февраля 1763 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVI.
27. **Опарина Т. А.** Иноземцы в России XVI-XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
28. **Памятники русского права** / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. Вып. 5. 667 с.
29. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 214. Оп. 1.
30. **РГАДА.** Ф. 248. Оп. 4.
31. **Семен Ремезов и сыновья:** служебная чертежная книга. Факсимильное издание. Тобольск: Общественный благотворительный Фонд «Возрождение Тобольска», 2006. Т. III. 167 л.
32. **Сергеевич В. [И].** Русские юридические древности. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1890. Т. 1. Территория и население. 517 с.
33. **Слѣзкин Ю.** Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авторизованный пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
34. **Соколовский С. В.** Образы Других в российской науке, политике и праве. М.: Путь, 2001. 235 с.
35. **Соколовский С. В.** Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // *Этнографическое обозрение.* 1998. № 3. С. 74-89.
36. **Трепавлов В. В.** «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
37. **Филюшкин А. И.** Проблема генезиса Российской империи // *Новая имперская история постсоветского пространства:* сб. ст. Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 375-408.
38. **John W. Slocum.** Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // *The Russian Review.* 1998. Vol. 57. № 2. P. 173-190.

COLONIAL DISCOURSE OF IMPERIAL CLASSIFICATIONS: HISTORIANS ON THE TERM «FOREIGNERS» REGARDING PEOPLES OF SIBERIA

Konev Aleksei Yur'evich, Ph. D. in History
Tyumen State Oil and Gas University
aldimoks@mail.ru

The article is devoted to an insufficiently investigated subject in domestic and foreign Siberia studies: the terminology of the description of the native peoples of Siberia of the XVII-XVIII centuries. Main attention is paid to the term «foreigners», the history of its appearance, existence and meanings. Most historians see the reflection of the incompleteness of the process of the integration of the Siberian autochthons into the Russian state, the designation of their religious and cultural otherness in it. On the basis of the critical analysis of the works of modern researchers the author identifies the debatable aspects of the problem. Attention is drawn to the active use of this term in the first half of the XVIII century; the reasons of its presence in business written language and normative legal acts concerning the indigenous population of the region for such a long period are explained.

Key words and phrases: peoples of Siberia; foreigners; colonization; empire; historiography.